

ЗЕМЕЛЬНЫЙ ВОПРОС В НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В КАЗАХСТАНЕ (1920 – 1928 ГОДЫ)

С. Ш. Казиев

THE LAND ISSUE IN THE NATIONAL POLICY OF THE SOVIET STATE IN KAZAKHSTAN (1920 – 1928)

S. Sh. Kaziev

В настоящей статье рассмотрены проблемы подходов в национальной политике Советского государства в 1920-е годы и конфликт сторонников жесткой централизации с казахскими партийцами, стоявших на позициях «национал-коммунизма», и национальной интеллигенцией. Этот конфликт в наиболее открытой форме проявился в отношении к вопросу о сохранении этнических предпочтений при землеустройстве, в попытках сохранить запрет на переселение крестьян из-за пределов Казахской АССР.

The paper addresses the problem of the Soviet state's national policy approaches in the 1920s and the conflict with the hard-centralization Kazakh party members standing on the positions of "national communism" and the national intelligentsia. This conflict manifested itself in the most open manner in relation to the issue of keeping ethnic preferences in land management, in an effort to maintain the ban on migration of peasants from outside the Kazakh ASSR.

Ключевые слова: аграрное переселение, казаки, казахи, национал-коммунизм, национал-уклонизм.

Keywords: agricultural relocation, the Kazaks, the Kazakhs, national communism, national deviation.

В современной исторической науке, испытывающей влияние критических по отношению к анализу советской национальной политики советологических концепций А. Авторханова, А. Некрича, Р. Пайпса и др., незаслуженно игнорируется огромный вклад Советского государства в справедливое решение национального вопроса, доставшегося большевикам в наследство от рухнувшей царской империи. Основной узел межнациональных противоречий в Казахстане был связан с вопросом использования земельными ресурсами. В этой связи решение национального вопроса требовало незамедлительного урегулирования ряда проблем, важнейшими из которых было возвращение казахскому населению земель, ранее изъятых в Переселенческий фонд, введение очередности на землеустройство по национальному признаку и ограничение крестьянского переселения из Сибири и европейской части страны.

В исторической науке отдельными аспектами решения национального вопроса и регулирования вопросов землеустройства занимались Г. Ф. Дахштейгер, С. З. Зиманов, А. П. Кучкин, К. Нурпеисов. В зарубежной науке следует выделить фундаментальное исследование М. Б. Олкотт «Казахи». Американская исследовательница скрупулезно проанализировала возникновение в Казахстане национального вопроса в начале XX века, связав это явление с началом столыпинской аграрной реформы и широкомасштабным крестьянским переселением за Урал. В настоящей статье предпринята попытка осветить проблемы реализации национальной политики, конфликты между союзным руководством и национально-ориентированной частью казахской политической элиты.

В 1913 году казахский просветитель и один из основателей казахского национального движения А. Байтурсынов с тревогой наблюдал за обнищанием казахского населения, терявшего наиболее плодородные земли, передававшиеся переселенцам из европейской части страны. Он опасался повторения казахами судьбы американских индейцев и других исчезнувших колониальных народов, оказавшихся беспомощными

перед лицом военной и культурной современной западной цивилизации. Он писал: «Судя по историческому ходу вещей нетрудно предугадать, что если, пришлый элемент окажется сильнее коренного населения, то последнее должно быть поглощено первым... Для того, чтобы сохранить свою самостоятельность, нам необходимо всеми силами и средствами стремиться к просвещению и общей культуре... Никогда не нужно забывать, что на самостоятельную жизнь вправе претендовать только тот народ, который говорит на своем языке и имеет свою литературу» [1, с. 66].

Возникновение национального вопроса на рубеже XIX – XX веков на территории современного Казахстана было непосредственно связано с социально-экономическими и культурными сдвигами, происходившими внутри казахского общества в связи с широкомасштабным переселением крестьян из европейской части страны, стимулировавшим кризис кочевого хозяйства, разложение родовых связей и усиление социальной дифференциации. В связи с этим, аграрный вопрос, точнее проблемы с сохранением используемой в кочевом хозяйстве территории за казахскими родами. Земельная политика царизма в начале XX века рассматривались казаками как вопиющая несправедливость, и вела к конфронтации значительной части казахского населения, как с государством, так и с переселенцами. Кочевники Северной Евразии входили в состав Российской империи на условиях незыблемости их традиционного образа жизни и нерушимости границ землепользования кочевых общин. Изменения социально-экономического и культурного порядка в дореволюционный период вызывали многочисленные острые конфликты между переселенцами и казахским населением, в первую очередь по земельному вопросу, ставшему камнем преткновения между народами и способствовавшим складыванию «инородческого вопроса» в Сибири.

Лучшие представители русской интеллигенции и имперской администрации осознавали необходимость неотложного решения «инородческого вопроса». Их позицию выразил Н. М. Ядринцев, указывавший на

то, что «инородческий вопрос» в Сибири требует решения следующих задач: 1) предупреждение «вымирания» инородцев; 2) обеспечение их экономического выживания и культурного развития; 3) введения гражданского «полноправия» и законодательное их обеспечение; 4) обеспечение духовного развития и просвещения» [16, с. 150].

Несмотря на понимание и сочувствие национальный вопрос не мог быть разрешен в рамках охранительной политики имперских властей на окраинах.

Если обратиться к истории решения национального вопроса в Казахстане в первой половине 1920-х годов, то очевидно, что после оформления национально-территориального устройства КАССР основные проблемы для краевого руководства были связаны с необходимостью регулирования земельного вопроса и продолжающегося крестьянского переселения. Фундаментальные принципы национальной политики были изложены в резолюции X съезда РКП(б), где было специально подчеркнуто, что «суть национального вопроса в РСФСР состоит в том, чтобы уничтожить ту отсталость национальностей, которую они унаследовали от прошлого, дать возможность остальным народам догнать Центральную Россию, и в государственном, и в культурном, и в хозяйственном отношении» [6, с. 366]. Надо отдать должное большевистским вождям, достаточно смело реагирующим на возникавшие проблемы и понявшим суть «национального вопроса». Признав наличие «национального вопроса» большевики смогли перехватить программные установки «мелкобуржуазных националистов» и использовать их для успешной советизации национальных окраин.

Решение национального вопроса в Центральной Азии затруднялось конфликтами на «почве» землеустройства между коренным и пришлым населением. Создав национальные республики, большевики обязаны были урегулировать этот вопрос путем уступок. На Учредительном съезде в октябре 1920 г. была принята Декларация прав трудящихся Киргизской АССР, провозгласившая: «Положить в основу земельной политики в КАССР обеспечение интересов киргизской и крестьянской бедноты, в особенности групп киргизских трудящихся масс, кои были ограблены царским правительством и российской буржуазией» [10, с. 271]. На Первой областной партконференции РКП(б) (июнь 1921 г.) были одобрены решения Учредительного съезда Советов КАССР и перед низовыми партийными организациями поставлена цель «сравнять в экономическом отношении русских и киргиз... энергично поведя борьбу с захватами земель, предоставить оседающим киргизам оставшийся свободным переселенческий фонд и неиспользованные оброчные земли» [14, с. 279 – 284]. Цель большевиков в Казахстане в начале 1920-х годов заключалась в сглаживании противоречий между казахами и русскими.

В числе главных мероприятий предполагалось возвращение казахскому населению ранее изъятых земель. На основе декретов от 2 февраля и 19 апреля 1921 году казахским крестьянам возвращались свободные земли, неосвоенные переселенцами до февраля 1921 году в Акмолинской, Кустанайской, Тургайской, Семипалатинской и Уральской губерниях. Казахскому населению возвращались земли, сданные в долгосрочную аренду дворянам, капиталистам и монастырям, а также земли, переданные имперскими властями в веч-

ное пользование за службу Сибирскому и Уральскому казачьим войскам. Казахскому населению были возвращены земли десятиверстной полосы вдоль Иртыша, Урала и Пресногорьковской линии, земли, отмежеванные для размещения переселенцев, а также монастырские земли. Переселенцам оставлялись участки в размере трудового надела, пришлые земледельцы уравнивались в наделении землей с русскими крестьянами. Объективную оценку перераспределения земельного фонда дали Г. Ф. Дахшлейгер и К. И. Нурпеисов, полагающие, что главным достижением этих лет было достижение фактического равноправия казахского населения в вопросах землепользования: «Земельные реформы 1921 – 1922 гг. не разрешили и не ставили цель до конца разрешить аграрный вопрос в Казахстане. Они не изменили земельный строй ни в переселенческой деревне, ни тем более в казахском ауле. Но сам факт возвращения земель казахским трудящимся и уравнивание на деле в земле и водопользовании трудящихся аула и деревни имело большое экономическое и политическое значение» [3, с. 118]. По мнению Е. Б. Сыдыкова, в политике возвращения казахских земель и в запрете крестьянского переселения был мощный социально-психологический подтекст: «акт восстановления поправленной справедливости, территориальная реституция, во многом нейтрализовала бы собой последствия колониальной политики царизма... и могла бы превратить казахов – кочевников из надежных подданных в искренних неопитов режима» [15, с. 208]. Стремление добиться фактического равноправия народов в ходе земельно-водной реформы порождало обратное неравенство некоренного населения, вполне сравнимое с неравенством т. н. «пленных» народов при царизме.

Но между земельной политикой царизма и земельно-водной реформой большевиков в Центральной Азии имелись принципиальные различия в методах проведения и конечных целях. Переселенческая политика царизма велась более трех десятилетий и в ее активной фазе способствовала депривации казахского аула. Целью переселенческой политики царизма было решение проблемы аграрного перенаселения в европейской части страны за счет демографической русификации окраин. Имперские власти игнорировали нужды и жалобы казахского населения на притеснения не только местной администрации, но и со стороны переселенцев. Землеустроительная кампания Советской власти, предполагавшая преференции для казахской бедноты, продлилась пять лет, с 1921 по 1926 годы. В отличие от аграрных реформ националистов-демократов второй половины XX века в странах освободившегося Востока земельно-водная реформа Советского государства не была направлена на уничтожение переселенческого хозяйства, изгнание «колонизаторского» населения и этническую сегрегацию. Ее целью было стремление добиться ликвидации фактического и юридического неравенств, создание предпосылок для интеграции на основе классового солидаризма и межэтнического доверия. Без неотложных мер в земельном вопросе и уступок в сторону ранее притеснявшихся царизмом народов успехи новой власти были эфемерными.

С 1923 г. «национал-коммунисты» постарались блокировать дальнейшее аграрное переселение русского населения из европейской части страны, опасаясь изменения национального состава населения и снижения доли титульного этноса. С конца 1923 г.

землеустройство стало проводиться исключительно в пользу казахского населения, о чем было открыто и недвусмысленно заявлено краевым руководством [13, с. 255].

В феврале 1925 г. Второй Пленум Казкрайкома принял резолюцию, согласно которой землеустройство казахского населения должно было происходить не только за счет занимаемых ими земель, но и за счет «земли освобожденной в результате добровольного переселения переселенческих участков, и участков земли, захваченных самовольно» [13, с. 111]. 19 апреля 1925 г. решением V Всеказахского съезда Советов было запрещено самовольное переселение в Казахстан. Все прибывшие после 31 августа 1922 г. переселенцы исключались из порядка землеустройства. V Всеказахская партийная конференция одобрила февральскую резолюцию краевого руководства. Решениями высшего советского и партийного органов республики была установлена следующая очередность землеустройства: после первоочередного наделения земель казахов земельные наделы могли получить переселенцы, прибывшие в край до 1918 г.; вторая очередь состояла из самовольных переселенцев, прибывших до 31 августа 1922 г.; в последнюю очередь на земельный надел могли рассчитывать самовольные переселенцы, прибывшие между 31 августа 1922 г. и 7 августа 1924 г. [13, с. 311].

Нарком земледелия Джандосов твердо объявил о первоочередности удовлетворения сельскохозяйственных запросов казахского населения [4, с. 3].

Землеустроительная политика краевого руководства резко усложнила межэтнические отношения и привела к многочисленным конфликтам. В 1925 г. произошли сотни конфликтов из-за земли между казахским и русским населением, участились случаи самовольных потрав посевов и насильственных сносов крестьян с земли. Казахское население зачастую использовало против русских крестьян те же приемы, какие использовались переселенцами против кочевых общин в дореволюционный период. Кустанайский губком сообщал о разорении русского поселка Лопушки казахами, которые взымали с крестьян высокую плату за пользование новым мостом на реке Убаган [11, д. 178, л. 112].

Активно было распространено скотокрадство, на что русские крестьяне отвечали вооруженными обысками в соседних аулах. Скотокрадство было бичом для русских и казахских трудящихся. В Атбасарском уезде, сообщалось местными органами власти в республиканское руководство, сформировалось мнение о неподсудности вооруженных налетчиков: «К нашим казахстанским органам как у русского, так у казахского населения существует полное недоверие, т. к. ни один скотокрад не был наказан по суду. Крестьяне поголовно за самосуд, казахи обращаются в суд аксакалов» [11, д. 92, л. 207]. Лишь после поступления информации в Крайком ВКП(б) лидеры вооруженных банд – скотокрадов в уезде рецидивисты С. Омаров и М. Исанов были арестованы.

Практика землеустройства, считали московские исследователи колонизации в 1926 г., в большинстве областей приобрела характер похода против европейского населения. Статистики писали о резком (на 14 %) сокращении всех хозяйств по территории республики. Больше всего выбыло хозяйств в Кустанайской

(26,2 %) и Джетысуйской (22,3 %) губерниях. Статистики полагали, что русское и украинское население края сократилось в результате земельной политики местного руководства на 700 тыс. человек [17, с. 11 – 12]. Вероятно, статистиками были включены в данные цифры по оттоку русско-украинского населения в период 1920 – 1922 г., когда русское население края сократилось на 500 тыс. человек [8, с. 88 – 89]. Казахские коммунисты на съезде «Кошчи» Джетысуйской области 26 июня 1923 г. отрицали «выдавливание» русских крестьян, объясняя их выезд, тем, что «земельная политика соввласти в Джетысу урезала и решительно ограничила возможность захватнической и хищнической эксплуатации земли со стороны кого бы ни было, и особенно со стороны переселенческого крестьянства, которое привыкло строить свое хозяйственное благополучие именно на этом способе хозяйствования» [4, с. 197].

Обострение межэтнических конфликтов не вошло в планы союзного руководства, после отхода от власти Ленина усилившего давление на «национал-коммунистов». Усиление централизаторских тенденций обычно связывают с личностью Сталина, не скрывавшего после разгрома в 1923 г. «султан-галеевщины» подозрительного отношения к этнонационалистским проектам местных коммунистических элит. С середины 1920-х годов Союзный Центр постепенно лишает местные центры власти относительной свободы в контроле над республиками.

В Казахстане «смена вех» советской национальной политики ассоциируется с личностью Ф. И. Голощекина. Внесение корректив в землеустроительную политику столкнуло Голощекина и его приверженцев, ориентировавшихся на сталинский централизм, с казахскими «национал-коммунистами», которые выступали за осторожную социальную и экономическую политику, считая ненужным и опасным разжигание классово-войны в казахском ауле. Конфликт между Голощекиным и «национал-коммунистами» вылился в открытую форму в сентябре 1926 г., когда на закрытом заседании члены Президиума Казкрайкома С. Садвокасов и Ж. Мунбаев подвергли критике Голощекина, обвинив его в диктаторстве и угнетении национальных кадров [11, д. 3, л. 58 – 61]. «Национал-коммунисты» отвергли обвинения в национализме и выдвижении лозунгов «Казахстан для казахов» в свой адрес. С. Садвокасов в первом журнале «Большевик» за 1928 г. писал: «Ни один благоразумный национал, тем более коммунист, не выкидывает и не выкидывал лозунга Казахстан для казахов». С. Садвокасов предлагал первоочередное землеустройство не только казахского населения, но и крестьян-старожилов, которых он относил к коренному населению республики. В социально-экономической политике Садвокасов предлагал покончить с колониальным отношением к республике как сырьевому придатку Центральной России и развивать там индустриальный сектор [12, с. 61 – 64]. Критика Садвокасовым сырьевой направленности экономики республики противоречила взятому курсу на жесткую централизацию.

Садвокасов на заседаниях Казкрайкома решительно выступал против планов разжигания классово-войны в казахском ауле и конфискации байских хозяйств, являвшихся экономическим ядром этого аула. Садвокасов критиковал положение о необходимости

«Октября в ауле», указывая на то, что «Октябрь это гражданская война, а партия за гражданский мир». По его мнению, роль бая в ауле резко отличается от роли кулака в деревне, так как беднота зависит от байства не только экономически, но и связана с ними бытовыми и родственными отношениями. Садвокасов сомневался в успехе натравливания казахской бедноты на своих богатых сородичей, в отличие от ситуации в русской деревне, прошедшей комбеды и продразверстку [11, д. 178, л. 16 – 24]. Голощекин и его окружение за защиту традиционного казахского аула навесили на Садвокасова, Мунбаева и других «национал-коммунистов» ярлыки ярых «националистов», «защитников байства и Алаш-Орды».

«Национал-коммунисты» были поддержаны в Москве антисталинской оппозицией. С критикой гонений на национал-коммунистов в республиках выступал и Троцкий. В 1927 – 1928 годов казахские «правые» продолжали безнадежную борьбу, стремясь к установлению справедливости. Небольшая делегация «национал-коммунистов» в начале 1927 г. посетила в Москве Троцкого, написавшего письмо Сокольникову. Однако проблемы, поднятые казахскими делегатами, не были устранены. По мнению М. Б. Олкотт, письмо Троцкого позволяет представить картину межэтнического конфликта в крае. Троцкий писал, что партийцы республики разделены на четыре фракции: русских, казахов, симпатизирующих русским, казахских правых и левых. Самая большая пропасть, считал Троцкий, лежит между европейскими и казахскими коммунистами, живущими обособленно и даже не играющими вместе в шахматы [19, р. 213 – 214]. Связи национал-коммунистов с антисталинской оппозицией и поездка к Троцкому стали поводом для гонений и последовавшей расправы уже в ходе Велико-го Террора [19, р. 213 – 214].

Острая дискуссия по вопросам дальнейшего социально-экономического развития республики развернулась в 1927 – 1928 годы. 8 февраля 1927 года Президиум ВЦИК РСФСР уравнил в правах на землепользование казахское население и крестьян-переселенцев [2, д. 61, л. 1 – 2]. Однако краевое партийное руководство отказалось выполнять решение высшего органа власти. Казахские коммунисты опасались, что отмена запрета на землеустройство переселенцев откроет Казахстан для новой волны переселения русских. Выведение Оренбуржья из состава республики в 1925 году под предлогом преобладания русского населения создало прецедент для дальнейших территориальных изъятий и вызвало тревогу у казахских руководителей. Изменение этнодемографического состава населения и увеличение доли русских могло снизить казахское влияние в республике, создать новые угрозы ее территориальной целостности.

8 июля 1928 года Бюро Казкрайкома ВКП(б) опротестовало решение ВЦИК РСФСР и, отвергнув проект Голощекина, предлагавшего уравнивать все национальности в праве на наделение землей, подтвердило первоочередное право казахского населения на землеустройство за счет государства [11, д. 10, л. 111]. Союзный Центр жестко отреагировал на столь откровенный вызов со стороны местных центров власти и национал-коммунистов, открыто проигнорировавших требования партийной дисциплины. В ноябре 1927 года состоялась VI Всеказахская конференция ВКП(б), посвященная межнациональным отношениям в республике. Присут-

ствовавший представитель Союзного ЦК Андреев, выступив с докладом о борьбе с антипартийной оппозицией в стране, обрушился с разгромной критикой на членов Бюро Казкрайкома партии Садвокасова, Мунбаева и Султанбекова, обвинив их в национальном уклоне. Андреев потребовал от казахских большевиков классового подхода и прекращения дискриминации русского населения. Союзный представитель отпустил критику и в адрес Голощекина, упрекнув его в попустительстве националистам в вопросах землеустройства. Голощекин откровенно заявил в свое оправдание: «Но если бы, товарищи, я выступил против этого, я бы не собрал ни одного казахского голоса» [18, с. 262].

В ответ Ж. Мунбаев заметил: «Мы семь лет терпим угнетение. Дальше терпеть этого не можем. Дайте нам самим управлять страной» [7, с. 171]. VI Всеказахская конференция ВКП(б) приняла линию союзного руководства на уравнивание всех национальностей в землеустройстве и переходе на классовый подход в отношении казахского аула. Под давлением сторонников «жесткой» линии VI Всеказахская конференция ВКП(б) осудила национал-коммунистов. Лидеры «национального уклона» Садвокасов, Мунбаев и Султанбеков были выведены из Бюро Казкрайкома и больше не могли блокировать решения Голощекина и апеллировать к союзным властям. Сам Голощекин после мощной поддержки Центра уже не нуждался в балансировании между различными фракциями и не колебался, строго проводя линию Сталина и его окружения.

Спротивление новому курсу после поражения «национал-уклонистов» в Казкрайкоме оказало среднее звено управленческого аппарата. Принятые решения были заблокированы республиканским Наркомземом и местными органами власти. Нарком по земледелению Ж. Султанбеков открыто назвал решения VI республиканской партконференции «колониаторскими», подготовленными бывшими чиновниками дореволюционного переселенческого управления [22, с. 329]. Руководитель Сыр-Дарьинского губисполкома И. Мустамбаев открыто объявил Голощекина диктатором единолично представляющим Казкрайком ВКП(б). Мустамбаев выразился «С Голощекиным коммунизм в Казахстане не построишь» [5, с. 338]. Для преследования оппозиции Голощекин активно привлек органы ОГПУ.

Конфликты Голощекин имел с руководством всех местных органов советской власти, о чем с тревогой говорил Н. Нурмаков, отмечавший выхолащивание деятельности Советов и подмену их функций партаппаратом. В мае 1928 года ЦК ВКП(б) принял решение о проведении чистки партийного и советского аппарата в Казахстане. В результате чистки в аппарате окружных комитетов было снято с должностей 116 человек (19,5 % от штата работников). Наиболее сильный удар был нанесен по республиканскому Наркомзему, где были выведены за штат до 28,5 % работников, что «положило конец националистической практике землеустройства» [7, с. 178 – 179]. Постоянной травле подвергались изгнанные из краевого руководства члены «садвокасовской группировки», обвиняемые в троцкизме.

Одновременно с ударом по национал-коммунистам прессингу подверглись представители национальной интеллигенции, связанные с алашевским движением, и чингизиды, пользовавшиеся авторитетом в казахской среде. В конце 1928 г. из Казахстана были высланы 44 «буржуазных националиста», составлявших ядро

алашевского движения и по-прежнему дистанцировавшихся от политики большевиков. Фактический разгром национальной оппозиции открыл дорогу для радикального социалистического переустройства казахского общества. Отныне «национал-уклонисты» стали удобной мишенью для критики, а обвинения в садвокасовщине», «ходжановщине» или «рыскуловщине» удобным предлогом для расправы с конкурентами.

Поражение казахских «национал-коммунистов» в значительной степени объясняется недостаточными солидаристскими связями в казахском социуме. Казахстанские исследователи соглашаются с мнением М. Маколей, отмечавшего: «Хотя националисты нередко ссылаются на то, что крестьянская община олицетворяет собой национальную добродетель и культуру, сама по себе крестьянская культура... пребывает вне национализма. Крестьянин мыслит не с позиции нации, а с точки зрения определенной деревни или региона» [Цит. по: 9, с. 257]. Несомненно, рядовые кочевники не могли понять и поддержать устремления национально-ориентированной части казахской элиты в то время.

Смирившиеся с диктатом Голощекина казахские кадры активно участвовали в последовавшей кампании коллективизации и одобрили в феврале 1929 г. снятие

запрета на переселение в Казахстан крестьян из европейской части страны. Новый поворот национальной политики в Казахстане подготовил республику для нового аграрного переселения и реализации планов коллективизации, ставшей трагедией для миллионов ее жителей. В то же время нельзя не отрицать значительных подвижек, произошедших в 1920-е годы в решении национального вопроса в СССР. Национальные меньшинства перестали быть инородцами, наиболее крупные этнические группы, компактно размещенные на исторических территориях своего проживания, стали полноправными участниками социалистического строительства. В ходе нацистроительства происходило активное развитие культуры народов СССР, повышался их культурный и образовательный уровень. В значительной мере поражение «буржуазных националистов» и «национал-коммунистов» было обусловлено тем, что Советская власть достаточно оперативно и чутко реагировала на возникающие проблемы и стремилась к действительной интеграции советских народов, последовательно проводя политику интернационализма, оказавшуюся единственно возможной в условиях постоянных межэтнических конфликтов, вспыхивавших в заново строящейся социалистической стране.

Литература

1. Букейханов А., Дулатов М., Байтурсун А., Рыскулов Т. Казахи о русских до 1917 года. Оксфорд: РИ ОИСА, 1985. 92 с.
2. ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 43.
3. Дахшлейгер Г.Ф., Нурпеисов К. И. История крестьянства советского Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1985. Т. 1. 247 с.
4. Джандосов У. Документы и публицистика (1918 – 1937 гг.): в 2 т. Т. 1. Алматы: Қазақстан, 1999. 400 с.
5. Койгельдиев М. К. Сталинизм и репрессии в Казахстане 1920 – 1940-х гг. Алматы: Искандер, 2009. 448 с.
6. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 9. Т. 2. М.: Политиздат, 1983. 446 с.
7. Кучкин А. П. Советизация казахского аула (1926 – 1929 гг.). М.: Издательство АН СССР, 1962. 432 с.
8. Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923 – 1939. М.: РОС-СПЭН, 2011. 855 с.
9. Масанов Н. Э., Абылхожин Ж. Б., Ерофеева И. В. Научное знание и мифотворчество в современной историографии Казахстана. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. 296 с.
10. Образование Казахской АССР: сборник документов и материалов / под ред. С. Н. Покровского. Алма-Ата: Изд-во Академии наук Казахской ССР, 1957. 366 с.
11. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 25.
12. Садвокасов С. О национальности и националах // Большевик. 1928. № 1. С. 56 – 64.
13. Сборник важнейших решений Казкрайкома ВКП(б), принятых за период V – VI Всеказахских конференций. Кызыл-Орда: Казгосиздат, 1927. 488 с.
14. Социалистическое строительство в Казахстане в восстановительный период, 1921 – 1925 гг.: сборник документов и материалов. Алма-Ата: Изд-во Академия наук Казахской ССР, 1962. 592 с.
15. Сыдыков Е. Б. Российско-казахстанские отношения на этапе становления тоталитарной системы. Алматы: Гылым, 1998. 272 с.
16. Ядринцев Н. М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. СПб.: Изд-во И. М. Сибирякова, 1892. 750 с.
17. Ямзин И. Л., Воцинин В. П. Учение о колонизации и переселениях. М.; Л.: Госиздат, 1926. 332 с.
18. VI Всеказакская конференция ВКП(б). 15 – 23 ноября 1927 г. Стенографический отчет. Кызыл-Орда: Казкрайком ВКП(б), 1927. 387 с.
19. Olcott M. B. The Kazakhs. Stanford, Calif. Hoover Institution Press, 1995. 388 p.

Информация об авторе:

Казиев Саттар Шарниязович – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры «История и социально-гуманитарные дисциплины» СКГУ им. М. Козыбаева (г. Петропавловск), sattarkaz@mail.ru.

Sattar S. Kaziev – Candidate of History, Senior Lecturer at the Department of History and Socio-Humanities, North Kazakhstan State University named after M. Kozybayev (Petropavlovsk, Kazakhstan).

Статья поступила в редколлегию 28.07.2014 г.